

«цветистая», «патетическая фразеология» восхваления). Агиографический стиль здесь уже впитал в себя черты ораторской торжественности, панегиризма, который украсил характеристику подвижника «празднично-торжественными» эпитетами, и лиризма гимнографии. Рассказ о жизни святого в этой группе житий слился с похвалой ему, весь окрасился эмоциями восхваления. Именно эта разновидность житийного стиля, как правильно показал И. П. Еремин на примере Киевской летописи XII в., передала в некоторые биографии светских исторических героев свои характерные приемы. В статье, посвященной Киевской летописи, И. П. Еремин показывает применение агиографического стиля в некоторых летописных повестях, главным образом описывающих смерть князей и дающих их посмертные характеристики. «Агиографической стилизацией» И. П. Еремин называет включение в перечень положительных качеств князя эпитетов, характеризующих его как образцового христианина, а в описание смерти — «штампов агиографического стиля» — чудесных явлений, «умилительной чувствительности» плачей по умершем, «похвалы» ему, «цветистой фразеологии», использующей, как и жития, стилистику церковного акафиста. Приведенный И. П. Ереминым пример взят из повести об Андрее Боголюбском, местно чтившемся уже в то время князе, повесть о котором стилизовалась намеренно под «житие».¹¹ Агиографическая стилизация — признак уже всех ранних редакций «княжеских житий»; канонизация или хотя бы установление местного почитания влекли за собой переработку исторических рассказов о том или ином князе, превращавшемся в идеального подвижника. Убитые в политической борьбе князья стали в первую очередь героями таких стилизованных повествований. Старшие их образцы показывают начало этого процесса агиографической стилизации, которая с течением времени по мере усиления связи светской власти с церковной распространяется и на биографии князей, позднее — царей, никогда не достаивавшихся ни канонизации, ни хотя бы местного почитания церковью. Высшего проявления эта стилизация достигает в XVI в. в Степенной книге, а в начале XVII в. примером ее может служить «Житие царя Федора Ивановича».

Это скрепление агиографического стиля с летописным («монументально-историческим», по терминологии Д. С. Лихачева)¹² не было механическим: когда в характеристику князя вплетались черты примерного христианина, выраженные агиографическим стилем, это было оправдано тем, что отношения между государственной и церковной властью на данном этапе требовали, чтобы правитель был и образцом выполнения правил христианского поведения. Отсюда вытекала и «эстетическая оправданность» переноса готовых приемов агиографического стиля в светское повествование: для характеристики разных проявлений «благочестия» героя нужны были иные выразительные средства, чем те, какими писатель пользовался, рассказывая о государственных — политических и воинских — заслугах своего героя. Так рядом с фразеологией феодального быта, пользующейся «народным типом» литературного языка, закономерно становятся «книжно-славянские формулы изображения действий и переживаний человека», взятые из книжного типа русского литературного языка.¹³

¹¹ И. П. Еремин. Киевская летопись, стр. 85—86.

¹² См.: Д. С. Лихачев. 1) Изображение людей в летописи XII—XIII вв. — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 7—43; 2) Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 27—69.

¹³ В. В. Виноградов. О языке художественной литературы, стр. 117. О соединении разных систем см.: И. П. Еремин. О художественной специфике древнерусской литературы, стр. 80.